
СОФИЯ БАСКОВА
НЕПРАВИЛЬНАЯ
СКАЗКА

София Баскова
Неправильная сказка

https://litres.ru/74837538
SelfPub; 2026

Аннотация

Он исполнит твоё желание. Но не то, о котором ты сказал вслух.

Закрытый коттеджный посёлок на краю леса, три недели до Нового года и трое подростков, у которых дома всё слишком непросто. У Марка в семье появляется мачеха, которая слишком хороша, чтобы быть настоящей. Родители Алисы по ночам шепчутся как люди, которым есть что скрывать. Борису вдруг начинает звонить отец, и в его голосе непривычная ласка.

Однажды, ради шутки, они идут к старой чёрной ели, под которой, по слухам, исполняются желания, и загадывают то, в чём побоялись бы признаться вслух. Колокольчик под елью звенит сам.

С этого дня у каждого под окном появляются следы, которые ведут только из леса. Под ёлкой оказываются подарки, которых никто не дарил. А метель отрезает посёлок от мира, и становится ясно, что у каждого подарка есть цена.

Дед Мороз уже пришёл. Он хочет получить свой отдарок.

Содержание

Пролог 4
Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 24
Конец ознакомительного фрагмента. 36

София Баскова
Неправильная сказка

Пролог

— Тише... Тише, он услышит. Только не оборачивайтесь. Слышите? Не смотрите назад. Не смотрите назад...

Говорят, Новый год — самый светлый и добрый праздник в году. Время, когда можно загадать самые потаённые желания. Даже те, в которых страшно признаться самому себе.

— Сюда! Сворачиваем на тропинку, так быстрее... Давайте, давайте же!

Под Новый год мы прощаем любые обиды. Как прекрасно начинать новый путь с чистого листа — белого, как свежий снег.

— Господи... Почему здесь столько крови? Снег весь... А что это на ветках? Что там висит? Ребята, вы видите?!

— Нет! Ничего там нет. Смотри на меня. На меня смотри! Не по сторонам — под ноги, на тропинку. Давай!

— Какую тропинку?! Здесь нет никакой тропинки! Её нет!!!

Новый год — это подарки под ёлкой, гирлянды, огоньки в окнах. Они мерцают в темноте, словно обещают: чудо уже близко. Нужно только верить.

— Я не могу... Я больше не могу бежать. Ног не чувствую. Рук не чувствую, пальцы как деревянные... Я его слышу. Он всё ближе, я чувствую его спиной! Он убьёт нас... Господи, он убьёт нас, как и всех остальных!

— Смотри на меня. Всё будет хорошо, слышишь? Осталось чуть-чуть. Вон там, между деревьями... Видишь свет?!

— Вижу... Осталось чуть-чуть... Но он... Я его слышу, он... Господи, что это?! Что врезалось в дерево?!

Пусть Новый год подарит вам только чистые эмоции и яркие краски. Пусть сбудется всё, что вы загадали. Пусть фейерверки ворвутся в вашу жизнь — громко, ярко, незабываемо.

— Мамочки... Это тесак. Это тесак! Он весь в крови... Мы умрём. Мы здесь умрём! Бежим! БЕЖИМ!!!

И помните: если вы желаете чего-то больше жизни, больше всего на свете, будьте осторожны. Формулируйте желания правильно. Ведь Дед Мороз может их услышать.

И исполнить.

— Мы не успеем... Я слышу шаги. Он хрипит. Прямо за нами...

— Ещё чуть-чуть. Ещё шаг. Ещё шаг. Ещё...

А к некоторым Дед Мороз приходит не один раз.

И его подарки радуют не всех.

Глава 1

За неделю до этого

Марк Платов стоял у входа в ледовую арену, привалившись спиной к стене. Голубая спортивная куртка, шапка того же цвета с белым узором и пушистым помпоном. Носком зимнего кроссовка он раз за разом ковырял лёд под ногами: монотонно, зло, будто хотел продолбить его насквозь.

На скуле наливался свежий синяк. Пока он был багровым и припухшим, к утру станет фиолетовым, а через пару дней жёлто-зелёным. Марк знал этот порядок наизусть.

У ног стояла сумка с хоккейной формой, рядом в снегу валялась клюшка.

Все свои шестнадцать лет он слышал одно и то же: он должен повторить путь отца. Илья Платов — призёр Олимпийских игр, бывший игрок Национальной хоккейной лиги, а теперь один из ведущих менеджеров лучшего клуба страны. Все ждали, что сын пойдёт по его стопам. Будет таким же быстрым, таким же жёстким, таким же победителем.

Вот только сам Марк этого не хотел.

Зато за свою фамилию он исправно получал тычки в раздевалке, ухмылки и шёпот за спиной: «Ну что, Платов, папочка опять за тебя договорится?» Это его бесило. А после смерти мамы в особенности. И сильнее всего Марка злило то, что он не оправдывал ничьих ожиданий. Особенно ожи-

даний отца.

Сумерки сгущались быстро, как всегда в декабре. Фонари у арены зажглись тусклым жёлтым светом, и снег в их лучах казался грязным.

Из темноты бесшумно выплыл большой чёрный внедорожник и остановился прямо перед ним. За тонированным стеклом угадывался профиль отца. Илья Платов не вышел из машины. Он просто ждал.

Марк молча подхватил сумку, закинул её вместе с клюшкой на заднее сиденье и сел впереди, не поздоровавшись. Даже не посмотрел.

В салоне пахло кожей и отцовским одеколоном, тем же, один и тот же запах на протяжении последних шести лет. Хоть это не изменилось.

Отношения с отцом у них были сложные, особенно после того, как не стало мамы. Марку тогда было всего десять, и рана от этой потери до сих пор кровоточила. Раньше они были счастливы: проводили время вместе, всей семьёй, мама приходила на каждый матч отца... А после её кончины потом отец будто захлопнулся изнутри. Словно боялся снова к кому-то привязаться, даже к собственному сыну. Любви больше не было, остались только требования. Учись лучше. Показывай результат. Давай. Ещё. Ещё.

А ещё отцу не нравилось, что Марк общается со своими друзьями.

— Марк, на вечер ничего не планируй, — бросил Илья,

тоже не поздоровавшись, и тронулся с места.

Он глянул по сторонам, в зеркало и едва заметно поморщился. В посёлке опять толком не расчистили снег. А мело в этом году страшно: такого снежного декабря не было давно. Снег валил и валил, будто кто-то наверху решил засыпать всё до самых крыш.

Казалось бы, в элитном посёлке, огороженном со всех сторон, словно отдельное государство, всё должно быть идеально. Но нет, службы посёлка не справлялись.

А за высоким забором, сразу за последними фонарями, начинался лес. Чёрный, неподвижный, тяжёлый от снега. Он стоял стеной и молчал, будто чего-то ждал.

— Я планировал встретиться с ребятами, погулять немного, — недовольно буркнул Марк и нарочно отвернулся к окну.

Что опять задумал отец, было непонятно. Возможно, снова соберёт друзей и знакомые семьи, чтобы что-нибудь отметить. А Марк, как наследник, как живое доказательство будущих побед, обязан стоять рядом и улыбаться.

Марк терпеть не мог этих снобов. Он хотел увидеться с ребятами, с Лиской и Борькой. Они были его отдушиной в этом зажравшемся посёлке. Единственные настоящие, не испорченные деньгами. Единственный светлый лучик среди ходячих банковских карточек, которые носили дорогие бренды и пахли дорогими духами так густо, что хотелось открыть окно.

Мама никогда не любила этот лоск. Она была проще всех этих местных львиц. Настоящая. Она любила творчество, смеялась громко и не стеснялась испачкать руки.

— Значит, не встретишься. Отменяй, — отрезал отец.

— Зачем? Что такого важного ты запланировал? — с подростковой горячностью рявкнул Марк и наконец посмотрел на отца.

Ему показалось, что тот слегка поморщился.

— Я хотел тебя кое с кем познакомить. Это важно.

Пальцы отца сжались на руле, костяшки побелели. Это было неожиданно. Илья Платов всегда был холоден и всегда себя контролировал.

Разговор нравился Марку всё меньше. Сердце застучало чаще, в груди поселилось что-то тяжёлое и неприятное.

— И с кем же?

— С Эльвирой. Она будет жить с нами.

— С кем? Что?..

Отец сказал это так резко, что у Марка остались только эти два вопроса. Все остальные слова застряли в горле комом.

Он смотрел на отца, но тот просто вёл машину, не отрывая взгляда от дороги. Фары выхватывали из темноты бесконечный снег: хлопья летели навстречу и бились в лобовое стекло, будто хотели пробиться внутрь. Дворники мерно скрипели туда-сюда.

Марк поджал губы и тоже уставился вперёд. Посторонняя

женщина. Ну да, понятно... Но...

— А как же мама? — только и выдавил он.

— Марк, я понимаю. Тебе кажется, что это предательство мамы. Но прошло уже шесть лет. Я тоже не железный. Я хочу семью...

— А я тебе кто? Не семья, что ли?

— Марк. Познакомься с ней. Не будь жесток. Просто поговорите. Она тебе понравится. Да и вообще, вы не обязаны друг друга любить. Ты уже взрослый...

Отец говорил ещё долго: объяснял, уговаривал, пытался вразумить. Но Марк его уже не слышал. Голос отца превратился в назойливое жужжание мухи где-то рядом.

В салоне было тепло, но Марка пробирал холод. Он смотрел в чёрное окно, где мелькали заснеженные ели, и понимал, что уже ненавидит эту Эльвиру. Кем бы она ни была.

Потому что она пытается занять место мамы. Страшное желание поселилось в его голове.

Глава 2

Стемнело ещё в пятом часу. Декабрь в этих местах не просто укорачивал день, он отжимал его, как мокрую тряпку: сначала по капле, потом разом. К восьми вечера ночь стояла над посёлком так плотно, словно дня здесь не было никогда.

Флигель располагался в самом углу участка Платовых, там, где последний фонарь бросал на снег жёлтый круг и сдавался. Раньше здесь хранили садовый инвентарь. Потом кто-то поставил печку, протянул проводку, и получилось жильё: две комнаты, кухня размером с шкаф и единственное окно, выходящее на забор. А за забором, метрах в тридцати, начинался лес.

Он стоял стеной. Чёрные ели смыкались так плотно, что в просветах между стволами не угадывалось ничего, даже тени. Просто темнота, чуть более глубокая, чем небо над ней.

Борис любил это окно. И не доверял ему.

Когда Марк вошёл, Алиса уже сидела на подоконнике, поджав ноги, и снимала с мандарина кожуру одной длинной непрерывной лентой. Запах цитруса стоял в тёплой комнате ярко, почти празднично. Слишком празднично для этого вечера. Лампа над столом била ей сбоку в лицо и зажигала золотом густые светлые кудри, которые она так и не собрала в хвост, сколько бы мать ни просила.

— Ты опоздал на двадцать минут, — сказала она, не под-

нимая головы.

— Я был на пытке, а не на прогулке, — Марк стащил с головы синюю вязаную шапку с белым снежным узором и швырнул её на диван. Волосы под ней торчали в разные стороны. — Меня усадили за стол в пять и продержали до половины восьмого. Два с половиной часа улыбаться, представляешь? У меня щёки болят.

— Бедный мальчик, — Алиса наконец подняла глаза. Светлые, холодные, с тёмным ободком по краю, они умели смотреть так, что собеседник чувствовал себя виноватым без причины. — Дай угадаю: тебе пришлось есть вкусную еду в красивом доме с человеком, который хочет с тобой подружиться. Какой кошмар.

— Лиска, не начинай.

— Я не начинаю. Я сочувствую. Борь, налей ему чаю, он сейчас умрёт от тяжести бытия.

Борис, стоявший у печки и привалившийся плечом к косяку, молча взял чайник. Он вообще всегда стоял так, будто в любую секунду собирался уйти. Тощий, угловатый, в чёрной толстовке с капюшоном, он был бы почти незаметен в полумраке, если бы не волосы. Рыжие, кудрявые, они вспыхивали медью каждый раз, когда печка выбрасывала в комнату отсвет. На бледных скулах и носу рассыпались веснушки, которые он ненавидел и которые зимой проступали особенно резко.

Его мать до сих пор убирала в большом доме после то-

го самого ужина, и во флигеле сегодня никто не мог им помешать. Только печка потрескивала да по стеклу изредка скребла сухая позёмка.

— Ну, — Алиса спрыгнула на пол, плюхнулась на диван и подтянула колени к подбородку. — Давай. Подробности. Какая она?

Марк опустился на табуретку, взял кружку обеими руками и несколько секунд просто смотрел в неё. Для человека, который в школе привык занимать собой всё пространство, широкоплечего, уверенного, с ленивой полуулыбкой, он сейчас казался непривычно маленьким.

— Красивая, — сказал он наконец. — Молодая. Лет тридцать, может, меньше. Тёмные волосы, такая… гладкая вся. Я спускался по лестнице, отец просил подождать его, а она уже стояла в прихожей. Улыбалась. Как будто знала, что я выйду именно в эту секунду.

— Ну, шаги же слышно. Услышала.

— Я шёл в носках по ковру! Я просто… — Марк раздражённо махнул рукой. — Ладно, неважно. Слушайте, самое странное не это. Она ни разу не ошиблась.

— В чём?

— Вообще ни в чём. Понимаешь? Отец рассказал свою тупую историю про рыбалку, ту, что весь мир знает наизусть, и она засмеялась. Ровно в том месте, где надо. Не раньше, не позже. Как по нотам.

— Может, она просто вежливая, — пожала плечами Али-

са. — Я бы тоже смеялась. Ради мира в семье.

— Нет, Алис, ты не поняла. — Марк подался вперёд. — Когда человек впервые приходит в чужой дом, он всегда косячит. Роняет вилку, путает, куда сесть, говорит что-нибудь не то и потом полчаса краснеет. Это нормально! А она вела себя так, будто тысячу раз сидела за этим столом.

— И где она сидела? — тихо спросил Борис.

Марк замолчал. Кружка в его руках чуть дрогнула.

— У окна, — выдавил он. — На мамином месте.

В комнате стало тихо. Печка щёлкнула, выпустив искру, и этот звук прозвучал неприлично громко.

— Отец что-нибудь сказал? — осторожно спросила Алиса.

— Ничего. Он смотрел на неё и… улыбался, как идиот. Я тоже промолчал. Что я мог сказать? «Извините, вы заняли место моей мёртвой мамы. Валите нахрен»? — Голос у Марка сорвался, он зло отвернулся. — Она просто подошла и села. И стул даже не скрипнул. А он скрипит всегда. Мы его три раза чинили, мама из-за этого скрипа каждое утро ворчала.

Алиса потянулась и тронула его за рукав. Коротко, неловко, как умела.

— Марк…

— Не надо меня жалеть, — буркнул он. — Я нормально.

— Я и не жалею, — соврала она. — Я собираюсь тебя доставать. Ты ж без этого скучаешь, великий спортсмен.

Он коротко, через силу усмехнулся. Борис всё это время стоял неподвижно, глядя в огонь за приоткрытой заслонкой, и вдруг спросил:

— Она ела?

— Что?

— За ужином. Она ела?

— Борь, ты чего? — Марк моргнул. — Ну… да. Конечно. Хотя… подожди. — Он нахмурился, пытаясь вспомнить. — Она двигала вилкой по тарелке. Резала мясо. Подносила ко рту. А глотала ли… Я не заметил. Господи, зачем ты вообще это спросил?

— Просто спросил.

— Просто! — Алиса закатила глаза. — У тебя «просто» звучит так, что хочется сразу крестики на дверях рисовать.

— Рисуй, — флегматично отозвался Борис. — Мел на кухне.

Марк нервно хохотнул и тут же осёкся.

— И ещё одно, — сказал он, понизив голос, хотя во флигеле, кроме них, никого не было. — Она спросила про лес.

— Про какой лес?

— Про наш. За КПП. Не про школу, не про то, чем я занимаюсь, как спрашивают нормальные взрослые, когда хотят втереться в доверие. Она спросила: давно ли он тут стоит и правда ли, что его не вырубали, когда строили посёлок. Отец удивился. А она улыбнулась и говорит: «Просто красиво».

Тишина.

— Он правда красивый, — ровно сказал Борис. — Пока не смотришь долго.

— Ты что-то слишком мрачный сегодня, — заметил Марк.

— Я всегда такой.

— Вот именно, мрачность в квадрате.

Алиса поднялась, подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. За ним не было видно ничего, кроме собственного отражения и далёкого размытого пятна фонаря. Она молчала так долго, что мальчишки переглянулись.

— У нас сегодня опять был цирк с конями, — сказала она, не оборачиваясь.

— Что было?

— Ночью. Они думают, что я сплю. Стена между моей комнатой и их спальней тонкая, как картон. — Она провела пальцем по запотевшему стеклу. — Только это не ссора, понимаете? Я бы поняла ссору. Про деньги, про отпуск, про то, что кто-то опять забыл выключить свет. Это другое.

— А что?

— Папа говорил шёпотом. — Алиса обернулась, и в тусклом свете лампы её лицо показалось старше, чем обычно. Между бровей легла упрямая складка, та самая, которую Марк называл «режимом прокурора». — Шёпотом, Марк. Как будто боится, что услышу не я, а кто-то ещё. А мама молчала. Долго. А потом начинала считать вслух. Раз, два, три. Какие-то числа. Она всегда так делает, когда ей страш-

но. С самого детства. Я поэтому и знаю.

— Что считает? — спросил Борис.

— Не знаю. Дни, может. Или… — Она осеклась. — Они не ругаются как люди, которые разлюбили друг друга. Они ругаются как люди, которые что-то натворили и теперь ждут, когда за ними придут.

Она сказала это так просто, без нажима, что стало только страшнее. Марк потянулся к печке, подержал над ней ладони, хотя ему вовсе не было холодно.

— Может, ты накручиваешь, Лиска?

— Может. — Она криво улыбнулась. — И хватит меня так называть, ок? Звучит так, будто ты меня жалеешь.

— А как называть?

— Как обычно. Алиса. Просто Алиса.

— Окей, просто Алиса.

— Вот и умница.

Они засмеялись, но смех вышел коротким и тут же осел, как пена.

Телефон Бориса завибрировал на столе так резко, что Алиса вздрогнула всем телом. Борис взял его, посмотрел на экран. Номер был незнакомый, длинная цепочка цифр с чужим кодом, без имени.

— Не ответишь? — спросил Марк.

— Сейчас.

Он вышел в коридор и прикрыл за собой дверь, но не до конца: осталась узкая щель, в которую тянуло сквозняком.

Ребята затаили дыхание.

— Да, — сухо сказал Борис. А потом замолчал.

Молчал он долго. Слишком долго. Алиса уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но Марк знаком остановил её.

— …Пап?

Они переглянулись. Про отца Бориса оба знали ровно столько, сколько хотели знать. Сергей Игнатьев был алкашом и не жил с семьёй уже второй год, а когда появлялся, то дела это так, что потом приходилось долго чинить стены, двери и людей. Борис никогда не называл его «папой». Только по имени и только сквозь зубы.

— Откуда у тебя этот номер? — Голос Бориса был ровным, но так бывает ровным лёд над глубиной. — Где ты? … Нет. Не открою. Ты что, пьян?

Пауза.

А потом Борис заговорил совсем другим голосом. Растерянным, почти детским.

— Что? Какая дверь? Пап, я у себя. Я тебя не… Алло? Алло!

Из коридора не донеслось больше ни слова. Только ветер, глухой и тянущий, где-то снаружи. А на самом краю слуха, так тихо, что можно было принять за звон в ушах, что-то коротко и чисто звякнуло. Один раз. Как маленький колокольчик, если встряхнуть его в рукаве.

Борис вернулся через минуту. Лицо у него было то же, что всегда, только бледнее, и веснушки проступили на нём, как

брызги.

— Что он сказал? — Марк уже стоял.

— Ничего особенного. — Борис положил телефон экраном вниз. — Назвал меня Борькой. Сказал: «Открой, сынок, холодно».

— И всё?

— И всё.

— Но это же…

— Он никогда не называл меня «сынок», — Борис присел на корточки у печки и без нужды начал ворошить поленья. — И он был трезвый. Голос такой… ласковый. Как у человека, который очень хочет, чтобы ему открыли.

— Может, он наконец завязал, — неуверенно предположила Алиса. — Раскаялся, решил наладить отношения.

— Может.

— Перезвони.

— Номер не активен больше. Я пробовал.

Они помолчали. Из-за стены, то ли из кухни, то ли из подпола, донёсся тонкий, едва слышный скрип, будто кто-то прошёл по снегу совсем рядом.

— Это ветер, — быстро сказал Марк.

— Конечно, ветер, — согласилась Алиса. — Что же ещё.

Она вдруг встала, обхватила себя руками за плечи и посмотрела на них обоих.

— Слушайте. Вам не кажется, что это слишком? У тебя, Марк, мачеха, которая идеальнее любого человека. У меня

родители, шепчущиеся, как заговорщики. У Бориса звонит отец, вдруг ставший милым. Так не бывает, чтобы у всех родственников одновременно кукухи поехали.

— Совпадение, — сказал Марк, но голос подвёл его.

— Тётя Валя из магазина говорит, — Алиса понизила голос, — что до нашего посёлка тут стояла деревня. Её снесли, людей расселили. И что в лесу остался огромный ельник, а в самой его глубине старая ель, самая старая из всех. И если прийти к ней и загадать желание…

— …оно исполнится, — закончил Борис. — Тётя Валя ещё говорит, что на КПП живёт домовой.

— Я знаю! Я не говорю, что верю. — Алиса вскинула подбородок. — Я говорю: давайте сходим. Просто чтобы поржать. Придём, загадаем какую-нибудь глупость, и вся эта муть перестанет казаться такой жуткой. Страшное, над которым посмеялись, уже не страшное.

— Ночью в лес? — Марк поморщился. — Ты с ума сошла?

— Кто говорит про ночь? Завтра, после школы. Пока светло.

— У нас светло до трёх.

— Значит, в два. Успеем.

— Лиска…

— Алиса!

— Алиса, — поправился Марк. — Это бред.

— Тогда я одна пойду.

— Не пойдёшь, — тихо сказал Борис. Он всегда был

неравнодушен к ней, это замечали все кроме самой Алисы.

Они повернулись к нему. Он по-прежнему сидел на корточках у печки и смотрел в огонь, и отсветы пламени ходили по его лицу, делая рыжие кудри почти красными.

— Не люблю этот лес, — сказал он. — Никогда не любил.

— Ты раньше не говорил нам этого.

— А сейчас говорю. — Он встал. — Но пойду. Одних вас всё равно не пущу.

— Вот! — Алиса торжествующе ткнула пальцем в сторону Марка. — Видишь? Борис за.

— Борис за, потому что Борис не умеет тебе отказывать, когда ты делаешь милую мосю, — проворчал Марк. — Ладно. В два. Но если там окажется какой-нибудь маньяк, я скажу, что был прав, и двину кони красиво.

— Договорились.

— И ты будешь плакать на моих похоронах.

— Я не буду плакать. Я принесу мандарины.

На этом они и сошлись.

Часы на стене показывали начало десятого, когда Алиса стала собираться. Она влезла в кремовый пуховик, натянула капюшон поверх кудрей и вытащила из кармана небольшой металлический фонарик, отцовский, с тяжёлым рифлёным корпусом, с которым не расставалась всю зиму. Марк нахлобучил свою синюю шапку, застегнул синий пуховик под самое горло. Он вызвался проводить Алису до калитки Северских, это было недалеко. Борис вышел вместе с ними: надо

было проверить дровяник и зажечь фонарь над крыльцом, а то мать вернётся и споткнётся в темноте.

На улице пахло снегом и чем-то ещё, чему не находилось названия. Железным, холодным, как воздух в погребе. Метель пока не началась, но небо над лесом висело низко и тяжело, и ни одной звезды в нём не было. И ещё Борис вдруг понял, что в посёлке непривычно тихо. Собаки Северских, которые лаяли на любую тень, молчали. Все до одной.

Марк и Алиса пошли по дорожке к калитке. Луч фонарика прыгал по снегу, выхватывая то сугроб, то штакетник, и Борис, глядя им вслед, заметил странное: когда Алиса повела лучом в сторону леса, свет не дошёл до деревьев. Он будто увяз в воздухе на полпути, как в густом молоке, и растворился, не коснувшись ни одного ствола.

«Показалось», — подумал Борис. Включил фонарь над крыльцом и обогнул флигель, чтобы заглянуть в дровяник.

И остановился.

Снег вдоль забора лежал нетронутый: днём прошёл небольшой снегопад, а к вечеру всё замело заново. Ровная белая полоса, гладкая, как простыня. И по ней из чёрной стены леса, через поле, прямо к забору, тянулась цепочка следов.

Борис присел. Осторожно коснулся ладонью края ближайшего.

След был длиннее его предплечья. Широкий, с продавленной глубиной, какую оставляет не человек, а что-то тяжёлое,

несущее на себе много больше, чем положено. Но страшнее всего были борозды. Впереди каждого отпечатка снег был взрезан четырьмя глубокими, чёткими бороздами, как будто в землю вонзали кривые чёрные крюки. Кромка ровная, ни одной осыпавшейся крупинки: ступали спокойно, не торопясь. Один за другим. Шаг был таким длинным, что Борису пришлось бы прыгать, чтобы повторить его.

Он поднялся и пошёл взглядом вдоль цепочки, туда, откуда она вела.

Следы начинались у самой кромки леса. Из черноты. Прямо к забору. Через него. Вдоль. К флигелю.

А на верхушке штакетины, у самой калитки, на ржавом гвозде, висел клок шерсти. Борис потянулся к нему и тут же отдёрнул руку. Шерсть была грязно-белая, жёсткая, как проволока, слипшаяся от инея в сосульки. От неё пахло мокрой псиной, ржавчиной и чем-то сладким, душным, будто сгнившая еловая смола. Так тянет из старого погреба, где что-то давно лежит и не думает кончаться.

Обратной цепочки не было. Нигде. Ни одного следа, уходящего назад.

А последний, самый чёткий и самый глубокий, с четырьмя бороздами впереди, темнел в снегу под единственным окном флигеля. Под тем самым, у которого Борис простоял весь вечер, ничего не замечая, и на подоконнике которого сидела Алиса.

Глава 3

Ночью всё-таки пошёл снег.

Борис понял это ещё до того, как открыл глаза. В комнате стояла вязкая тишина, какая бывает только после большого снегопада, когда мир накрывают подушкой. Он вскочил, подошёл к окну и несколько секунд не мог вдохнуть.

Белая гладь. Нетронутая, ровная, как лист бумаги. Ни следов, ни борозд, ни тёмной вмятины под подоконником.

Он выбежал на крыльцо в одной толстовке, сунув босые ноги в ботинки, и добрался до калитки так быстро, что закололо в груди. Ржавый гвоздь торчал из штакетины. Пустой.

Ни клочка шерсти. Ни запаха. Ничего.

— Ну конечно, — сказал Борис вслух. Голос вышел сиплым, чужим. — Ну конечно.

Он простоял там, пока не перестал чувствовать пальцы, и пытался убедить себя, что вчера ему всё померещилось. Усталость, нервы, этот дурацкий звонок. Всё сходилось. Всё было очень разумно.

Только ладонь до сих пор помнила, какой жёсткой и холодной была та шерсть.

Когда Марк написал в общий чат: «Ну что, трусы, идём или как?», Борис долго смотрел на экран. Потом набрал: «Идём». О следах не написал ни слова. Сказал себе, что скажет потом. Если будет что говорить.

К двум часам они сбежали с последнего урока.

Небо висело низко и серо,и свет сочился сквозь него скупо, по капле. Посёлок после снегопада стал чужим: крыши, заборы и машины сровнялись в одну мягкую белую массу, и между домами не двигалось ни души.

— Я вам говорил про новые ботинки? — Марк шёл по сугробам, высоко задирая ноги, и каждый шаг сопровождал страдальческим вздохом. Синяя шапка с помпоном съехала на ухо, из-под неё торчала мокрая прядь. — Они стоят как три моих телефона. И вот я иду в них по колено в снегу к какой-то ёлке. К ёлке! Как идиот.

— К самой старой ёлке, — поправила Алиса, не оборачиваясь. В кремовом пуховике, с золотыми кудрями, на которых оседал иней, она шагала впереди, как маленький упрямый ледокол. — И ты сам сказал «в два». Я тебя не заставляла.

— Ты смотрела на меня с этим лицом.

— С каким?

— Вот с этим! Как будто я предатель, если откажусь.

— Ты и есть предатель. Пока потенциальный.

— Спасибо. Прямо согрела.

Борис, замыкавший цепочку, не вмешивался. Он шёл, засунув руки в карманы своей чёрной куртки, и смотрел не под ноги, а вперёд, на лес. Рыжие кудри вылезали из-под капюшона, и это было единственное тёплое пятно на всей серо-белой картинке.

Они вышли через калитку за дровяником. Борис задержался на секунду и бросил взгляд на гвоздь. Все еще пусто. Он быстро отвернулся.

Поле, которое летом зарастало иван-чаем по пояс, лежало под снегом гладкое и безжизненное. А потом началась стена деревьев.

Вблизи она оказалась выше и чернее, чем из окна. Ели стояли вплотную, их мохнатые лапы свисали до земли под тяжестью снега, и между ними не было ни просвета, ни тропинки. Ничего, что говорило бы: сюда можно.

— Всё, — с ужасной радостью сказал Марк. — Приехали. Тут явно никто не ходит. Возвращаемся?

— Тётя Валя говорила про старую дорогу. — Алиса достала из кармана тяжёлый рифлёный фонарик, хотя было ещё светло, и щёлкнула кнопкой. Луч вышел жёлтым, слабым. — К деревне вела просека. Её не могло замести совсем.

— Тётя Валя много чего говорила.

— Вон, смотри.

Она ткнула лучом вправо. Там две ели, будто нехотя, расступались чуть шире остальных. Узкая просека, заваленная снегом, уходила в глубину и терялась в сумраке уже через десяток шагов.

— Ты первая, — сказал Марк.

— Нет, ты. Ты же у нас самый смелый да еще спортсмен. Мы все знаем и верим в тебя.

— Я вчера сказал, что умру красиво. Но не сегодня же!

— Господи, — вздохнула Алиса, — какие вы оба…

Борис молча шагнул между елями.

Тишина в лесу была другой.

Не мёртвой. Внимательной. Так замолкают в комнате, когда вы вошли, а до этого обсуждали именно Вас. Шаги вязли в снегу, даже собственное дыхание казалось слишком громким, а над головой смыкались ветви, пропуская только серую муть. С каждой минутой она становилась гуще и синее.

Просека шла прямо. По обе стороны из-под сугробов выглядывали остатки чужой жизни. Сначала Борис не понял, что это. Ржавый край кроватной сетки. Покосившийся столбик, обмотанный колючей проволокой. Кусок каменного фундамента, поросший мхом, который почему-то не побелел даже под снегом и остался чёрным.

Алиса остановилась так резко, что Марк врезался ей в спину.

— Ай! Ты чего?

— Смотрите.

На покосившемся колу бывшего забора висел валенок. Маленький, детский, потемневший от времени и надетый на кол подошвой вверх, как будто его сушили.

— Это, — сказал Марк и сглотнул, — просто валенок.

— Угу.

— Кто-то выбросил.

— Конечно. Сорок лет назад. И он всё это время просто сох.

— Алиса, прекрати.

— Я ничего не делаю! Я просто… — Она осеклась и вдруг потёрла плечи, будто ей стало холодно. — Давайте идти. Быстро.

Они пошли быстрее. Минуты через три Борис впервые услышал.

Хрусть.

Негромко, слева, за деревьями, метрах в двадцати. Короткий, плотный звук, с каким нога продавливает наст.

Он остановился.

— Ты чего? — шёпотом спросил Марк.

— Тихо.

Они замерли втроём, не дыша. Лес молчал. Ни ветра, ни птиц, ни шороха. Только где-то очень далеко тихо капало, как будто с ветки на ветку стекала вода, хотя мороз стоял крепкий.

Хрусть.

Теперь ближе. И правее, словно то, что шло рядом, двигалось параллельно просеке и всё время держалось в глубине леса, не показываясь.

Хрусть. Хрусть.

— Это лось, — очень быстро сказал Марк. — Это лось. Или кабан. Или тётя Валя. Борь, скажи, что это лось.

— Это не лось, — сказал Борис.

Голос у него вышел бесцветным, и он сам испугался, как это прозвучало.

Алиса резко повернула голову.

— В смысле?Ты чего такое говоришь?

— Ничего.

— Борис.

— Я говорю, ничего я не…

— Ты врёшь. У тебя уши красные. Ты всегда краснеешь, когда врёшь.

Борис закрыл глаза. Открыл.

— Вчера, — выдавил он. — Когда вы ушли. Я зашёл за флигель, а у забора следы. Из леса. Огромные, больше человеческих, с бороздами от когтей. Шли только в одну сторону, к моему окну, обратно ни одного. И клок шерсти на гвозде. Белый и вонючий.

Он выпалил это на одном дыхании и зажмурился, ожидая насмешки.

Насмешки не было. Была тишина, такая плотная, что звенела в ушах.

— Ты, — Марк говорил медленно, словно слова доставали из него клещами, — ВЧЕРА это видел. И ничего не сказал. И мы ПРИШЛИ сюда. В лес. Втроём. Ты в своём уме вообще?!

— Утром всё замело. Я думал…

— Он думал! — Голос Марка сорвался на визг. Он размахивал руками, и помпон на его шапке прыгал, как безумный. — Я сейчас ноги морозю ради этой ёлки, а он знал!

— Марк, хватит, — резко сказала Алиса.

— Нет, не хватит! Почему он это скрыл?!

— Он испугался! А ты бы не испугался?! — Она тоже сорвалась, и в её голосе звякнули слёзы, злые, едва сдерживаемые. — Ты бы побежал всем рассказывать, что за твоим окном ходит что-то с когтями? Ты бы сам решил, что сдвинулся по фазе!

— Я бы сказал!

— Не сказал бы, — тихо проговорил Борис. — Никто бы не сказал. Я сам до конца не верю тому, что видел.

Марк открыл рот и закрыл. Плечи у него опустились.

— Блин, — выдохнул он. — Ладно. Ладно, я не… Просто мне страшно, понятно? Я иду и ссусь от страха. Мне казалось, что это вы шутите, хотели меня разыграть, а оно…

— Эй. — Алиса шагнула к нему и ухватила за рукав. Рука у неё дрожала, но она держала крепко. — Я тоже боюсь. Слышишь? Но обратно нам надо идти этой же дорогой. Мимо валенка. Так что чем быстрее возьмем себя за бубенцы тем быстрее решим наши проблемы. Все?

— Это логика маньяка.

— Это моя логика. Пойдём.

Борис кивнул. Говорить, что он заметил, он не стал: хруст прекратился в ту секунду, когда он начал рассказывать. Как будто тот, кто шёл за деревьями, остановился и слушал.

Они двинулись дальше, теперь плотнее, почти плечом к плечу. Свет умирал стремительно. Часы Марка, когда тот на ходу достал телефон, показывали без двадцати три, но в лесу казалось, что уже вечер, и они идут по дну очень глубокого

синего колодца. Фонарик Алисы стал нужен по-настоящему: жёлтое пятно ползло по снегу, цеплялось за корни, но стоило ей поднять луч выше, как он упирался в воздух, густой, как молоко, и дальше не шёл.

— У меня сеть пропала, — глухо сказал Марк. — Была одна палка. И нету.

— У меня тоже, — прошептала Алиса.

Борис даже не стал смотреть.

Время в лесу тянулось, как резина. Двадцать минут, час, никто не мог бы сказать наверняка. А потом деревья расступились, и они вышли на поляну.

Она открылась внезапно, как комната, в которую входишь из тёмного коридора. Круглая, ровная, почти без снега. Только у самой кромки леса белели сугробы, а дальше земля чернела голая, усыпанная хвоей, будто здесь никогда не бывало зимы.

А в самом центре стояла ель.

Борис не сразу смог посмотреть на неё целиком. Взгляд срывался, цеплялся за детали: за ствол, который не обхватили бы и четверо взрослых, за кору, глубоко изрезанную, как кожа очень старого существа, за ветви, спускавшиеся к земле тяжёлыми чёрными ярусами. Вершина терялась в мути неба. Хвоя была не зелёной, а почти чёрной. И от дерева шёл густой, сладкий запах смолы.

Тот самый, что вчера тянулся от шерсти на гвозде.

У Бориса подкосились колени. Он вцепился в локоть Мар-

ка, и тот даже не огрызнулся.

— Ничего себе, — выдохнул Марк. Весь его скепсис вылетел, как воздух из шарика. — Она настоящая.

— Тётя Валя не врала, — прошептала Алиса.

— Видимо. Значит, и про домового на КПП тоже…

— Марк. Пожалуйста.

Он замолчал.

Они подошли ближе. Под ногами уже не скрипело, а сухо хрустело: хвоя, тонкие веточки, и что-то ещё, хрупкое, о чём Борис предпочёл не думать. У самого ствола Алиса подняла фонарик. Луч скользнул по коре, по корням толщиной с руку и вдруг выхватил между двумя из них что-то маленькое, тускло блеснувшее.

— Там что-то есть.

— Не лезь, — быстро сказал Борис.

— Я только посмотрю.

— Алиса!

Но она уже присела и осторожно, двумя пальцами, вытянула предмет из-под корня. Выпрямилась. Поднесла к свету.

Колокольчик. Небольшой, с ладонь, медный, позеленевший. К кольцу на макушке была привязана ленточка, когда-то красная, теперь выцветшая до цвета запёкшейся крови. По бокам шли стёртые узоры, похожие на еловые лапы. Язычок был железный, чёрный от ржавчины.

— Красивый, — шёпотом сказала Алиса. — Старый какой.

— Положи на место.

— Почему?

— Потому что.

— Борь, ну что ты как… — Марк тоже подошёл и вытянул шею. — О, настоящий. Антиквариат. Лиска, ты нашла клад!

— Алиса.

— Алиса нашла клад. Ладно, ладно. И что теперь? Позвонить, чтобы вызвать Деда Мороза?

— Дурак.

— Я творческая личность, причем ранимая, — с достоинством ответил Марк. Но шутка вышла жалкой, и он сам это почувствовал. Оглядел поляну и понизил голос: — Давайте уже. Загадаем эту фигню и свалим. Я уже внутри как сосулька.

Алиса держала колокольчик на раскрытой ладони, и по тому, как напряглась её рука, было видно: он тяжелее, чем кажется.

— По очереди, — сказала она, и голос у неё предательски дрогнул. — По-честному. Как будто всерьёз, а то не сработает.

— Ты же не веришь.

— Не верю. Но играть так играть. Марк, ты первый.

Он фыркнул, поправил шапку, скрестил руки на груди. Жест должен был выглядеть небрежным, но вышел защитным.

— Ладно. Если что, я шутил. — Он помолчал, глядя на

колокольчик, и шутовское выражение сползало с его лица, как краска со стены. Когда он заговорил, голос стал совсем другим, низким, сдавленным. — Хочу, чтобы Эльвира исчезла.

Он тут же дёрнул плечом, попытался засмеяться:

— Ну, не в смысле убить, конечно. Просто чтобы её не было. Чтобы дома опять было как… как раньше.

Последние слова он выговорил с трудом, и глаза у него блеснули. Он резко отвернулся и сделал вид, что рассматривает сугроб.

— Марк, — тихо сказала Алиса.

— Всё нормально. Это шутка. Я же сказал, шутка.

— Теперь ты, Борь.

Он не хотел. Всё внутри него кричало, что надо взять Алису за руку и вести отсюда быстрым шагом, не оглядываясь. Но он стоял и смотрел на чёрную хвою под ногами, и слова поднялись сами, как вода из старого колодца.

— Хочу, чтобы отец нас никогда не нашёл, — сказал он ровно. Слишком ровно. — Меня и маму. Никогда.

Шутить после этого никто не стал.

Марк обернулся. Посмотрел на Бориса так, будто увидел его впервые. Хотел что-то сказать, но не нашёл слов и просто коротко, неловко ткнул его кулаком в плечо. Борис кивнул.

— Теперь ты, — сказал Марк, и голос у него дрогнул.

Алиса посмотрела на колокольчик. На них. Её светлые глаза в синем сумраке казались почти прозрачными, и в них

стояло что-то, чего Борис раньше не замечал: усталость, давняя, детская, как у человека, который слишком долго держал лицо.

— Хочу, чтобы мои родители, — начала она и запнулась. Сглотнула. — Чтобы мои родители перестали мне врать.

Она сказала это едва слышно. И в ту секунду, когда последнее слово сорвалось с её губ, колокольчик зазвенел.

Звук был чистый и короткий, как удар хрусталя о хрусталь. Борис почувствовал его не ушами, а зубами. Алиса вскрикнула и едва не выронила колокольчик: она не шевелила рукой, ветра не было, но он звенел сам, и звон не затихал, а растекался по поляне, поднимался вверх по стволу, уходил в чёрную высоту ветвей, будто там, наверху, его подхватывал кто-то ещё. Другой колокольчик. Сотни колокольчиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.